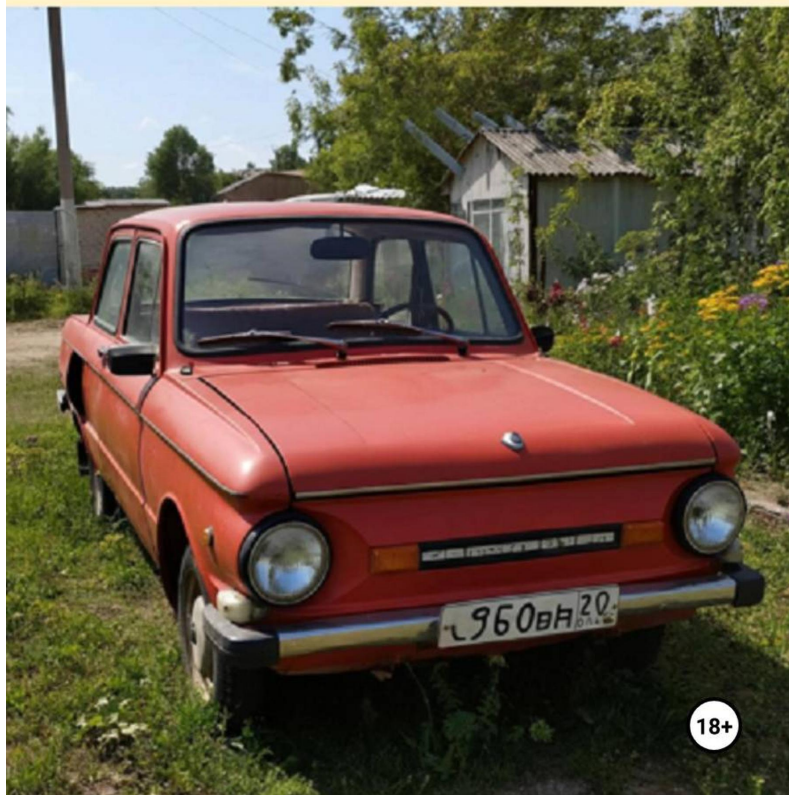

Александр Телегин

**Красный «Запорожец»
Оленьки Шеховцовой
или три грустных рассказа**

18+

Александр Телегин
Красный "Запорожец"
Оленьки Шеховцовой или
три грустных рассказа

<https://litres.ru/74251347>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три рассказа из жизни сибирской деревни в разное время. Первый рассказ о судьбе женщины-инвалида: о счастье в начале жизненного пути и печальном его завершении. Второй о трагическом ДТП и поведении разных людей после него. Третий рассказ о столкновении двух, живущих по соседству семей, о том, что к нему привело и чем оно закончилось.

Содержание

ГЛАВА 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Александр Телегин Красный "Запорожец" Оленьки Шеховцовой или три грустных рассказа

ГЛАВА 1 КРАСНЫЙ «ЗАПОРОЖЕЦ»

Шёл две тысячи пятый год. В далёком сибирском селе с дочкой Оленькой жила восьмидесятилетняя женщина Анастасия Сергеевна Шеховцова.

Её муж, Михаил Петрович, умер семь лет назад от усталости жизнью, три последних года не вставая с постели. Получается, десять лет старушка одна гнула спину по хозяйству для полноценного питания и радости преодоления трудностей, и даже после смерти мужа ещё пять лет держала коров. Держала бы она их по сей день, но её замучила аритмия: затрепещет с утра сердце, потемнеет в глазах, а идти в пригон надо — коровы каждый день хотят жрать, а по утрам особенно, да и доить их надо.

Стиснет зубы, засунет тощее тело внутрь фуфайки, вставит в чуни сухие ноги и выставит себя на мороз. А через час,

глядь, и расходилась.

Но всё труднее и труднее стало ей управляться, уже и вёдра с пойлом еле таскала, расплёскивая половину по дороге в пригон. Уговорил её приехавший сын Саша продать одну корову. А когда три года назад долбанул её инсульт, он сбыл, не спросясь, и вторую, самую любимую корову Мусю. Спасибо Богу, обошлось у старушки. Полежала две недели со ртом на боку, а когда рот встал на место, поднялась и подалась преодолевать новые трудности.

Долго горевала, что корову продали: она была против — чувствовала, что поднимется, не умрёт, и ей будет скучно жить без преодоления. Но оказалось, что и без коровы дел достаточно. Утром надо идти за дровами и углём, растапливать печь, потом мыть пол, выносить грязную воду, после снегопада чистить дорожки, перед обедом идти в магазин за хлебом, и чем-нибудь вкусненьким, после обеда опять в стайку за дровами на вечер и про запас, вдруг опять разыграется проклятая аритмия — она ведь после инсульта никуда не делась. На семьдесят пятом году начала пить таблетки для стабильности сердцебиения, хотя раньше ничего не пила кроме анальгина от зубов.

Да и сейчас не пила бы — будь что будет — но нельзя ей на тот свет к мужу Михаилу Петровичу, потому что не одна она живёт в доме, а с младшей дочкой Оленькой, которая не сможет без неё, потому что пятьдесят лет назад в Москве проходил Всемирный фестиваль молодёжи и студентов, и пе-

редовая молодёжь понавезла со всего света злых вирусов — самых разных, каких только можно, в том числе страшный вирус полиомиелита, которым дочь её и заразилась от приехавшей из города в гости к соседям хорошенькой десятилетней девочки Кати, настолько полюбившей полуторагодовалую Оленьку, что целыми днями играла и нянчилась с ней, целовала и носила на своих тощих детских ручках.

Через день после того, как Катя с бабушкой уехали, Оленька заболела, и через несколько дней у неё отнялись ножки.

Сильно горевали пришибленные ужасом родители, возили Оленьку по больницам и санаториям до самого её совершеннолетия, но никакой реставрации организма не добились и, покоровшись судьбе, успокоились.

Десять лет Оленька училась в местной школе, куда отец с матерью, а, когда подрос, и старший её на три года брат Саша, возили её зимой на санках, а золотой осенью и румяной весной на самодельной тележке.

После школы на протезном заводе в Новосибирске ей сделали на ноги специальные аппараты с замками, и она научилась ходить в них на костылях довольно сносно, правда на короткие дистанции.

Натренировавшись как следует, она поступила в сельскохозяйственный институт на заочное отделение экономического факультета. Анастасия Сергеевна, в то время работавшая в совхозе бухгалтером, два раза в год брала отпуск и ле-

тала с ней на самолёте АН-2 в город на сессии.

Директор совхоза во всём шёл Оленьке навстречу, и так как в институте было желательно, чтобы заочники работали в хозяйствах по специальности, взял её вторым экономистом в плановый отдел. Специально для неё он велел приделать к высокому крыльцу конторы не предусмотренные проектом перила, по которым она научилась ловко подниматься по ступеням.

Главным экономистом в совхозе был мужчина, лет на пять старше Оленьки, с добрыми тёмно-серыми глазами, русыми волосами, приятной улыбкой и чистым светлым лицом, гладким, словно отшлифованным, на котором немислим был даже самый маленький прыщик, не то что бородавка или морщина от дурных мыслей. Звали его Николаем Васильевичем Остапенко.

Николай Васильевич взял Ольгу Михайловну под свою ненавязчивую и не обидную опеку. Он знал, когда встретить её и помочь встать с дорожной тележки, когда подстраховать, чтобы она не поскользнулась на слежавшемся на крыльце снегу или ледяной корке, и тонко чувствовал, когда этого делать не надо. Он сопровождал её на обед или домой по окончании рабочего дня; словно невзначай подталкивал тележку на подъёме; оживлённо болтая о чём-то постороннем, помогал преодолеть вязкую грязь и вовремя отваливал, когда его помощь больше не требовалась, так что Оленька никогда не чувствовала себя обязанной.

Целыми днями, сидя друг против друга в пространстве маленького кабинета и беседуя о самых разных предметах, они почувствовали взаимную симпатию: ему нравился её грудной голос, она восхищалась его умом и знаниями, полюбила смотреть в его глаза, рассматривать лицо... В общем, Оленька влюбилась!

Поначалу она стеснялась своего чувства, долго, очень долго убеждала себя, что не должно ей сметь предлагать кому-то свою любовь, но втайне страстно мечтала, что он сам скажет, что любит её.

Однако, Николай Васильевич ничего такого не говорил, потому что думал: «Оля мне конечно нравится, но как она это воспримет? Подумает ещё, что я из жалости. Скажет: «Вы думаете, если я инвалид, то обрадуюсь любому, снизошедшему до меня? Нет уж! Не нуждаюсь я в вашей любви! Впрочем... Она на меня так смотрит, что, кажется, и она ко мне равнодушна. Или я ошибаюсь?»

Остапенко был нерешителен, дни шли за днями, Олины надежды таяли, чувства росли и наконец вырвались наружу.

Накануне праздника Восьмого марта Оля успешно сдала последнюю сессию за третий курс и вышла на работу. Она могла бы не выходить — день был короткий предпраздничный, но ей очень хотелось увидеть Николая после трёхнедельной разлуки.

Оказалось, что и Остапенко ждал её и, увидев из окна кабинета, как она, в бежевом зимнем пальто, белом пуховом

платке и светло-серых брюках, качая рычаги своей уличной трёхколёсной коляски, подъезжала к конторе, выскочил навстречу и подарил ей три маленькие, яркие, как огоньки, гвоздички.

— Николай Васильевич! Какая прелесть! Где вы их достали?! Во всём районе нет сейчас цветов!

— Пустяки, Оля! У меня с родителями на всю нашу курмышку единственный телефон. Вчера пришла соседка позвонить сыну-студенту. «Ваня! Ты приедешь на праздник?» — «Да, мама, я уже купил билет на самолёт. Завтра вечером жди. Не забудь сварить фасолевый суп с рулькой!» Меня осенило. Выхватил у соседки трубку: «Ваня, дорогой! Если сможешь, купи мне гвоздик, насколько денег хватит!» Я не надеялся, а он привёз. Денег у него не было, но догадался занять у однокурсников — смышлённый парнишка. Так что, с праздником Оля! Хотел сделать тебе приятное.

— Вам это удалось, — сказала она и весь рабочий день была счастлива.

После работы Остапенко сказал ей:

— Ольга Михайловна! Не обмыть ли нам успешное завершение третьего курса?

— Обязательно, Николай Васильевич. Я вас с удовольствием приглашаю к себе домой.

— Зачем же, Оля?! Шампанское у меня с собой. А закусим шоколадкой и апельсинами. А потом я провожу тебя до дома.

— Я согласна, Николай Васильевич, — сказала она так нежно, как никогда никому не говорила.

Они выпили бутылку шампанского, закусили шоколадкой и двумя апельсинами и целый час весело болтали о каких-то пустяках.

— Я совсем пьяная, — сказала Оленька, когда они собрались домой, — как бы мне не упасть.

— Я не дам тебе упасть и доставлю до дому в целости и сохранности, — сказал он, помогая надеть ей пальто.

— Подержите мой костыль, — попросила она, спускаясь с крыльца.

— Давай.

Опираясь одной рукой на костыль и держась другой за перила, Оленька спустилась с крыльца.

Он стряхнул снег с сидения тележки, она села и взялась за рычаги.

— Оленька, разреши, я повезу тебя сам. А ты держи цветочки.

Он впервые назвал её Оленькой, и от этого ей стало сладко-сладко, и почему-то захотелось плакать. Николай довёз её до самого дома, преодолевая выпавший за день довольно глубокий снег, открыл калитку и подвёз коляску к самому крыльцу, которое, в отличие от конторского, было без перил. Она встала, поднялась на две ступеньки и поскользнулась. Со звоном разлетелись выпавшие из подмышек алюминиевые костыли, но он подхватил её, невольно прижав к себе, и

Оля почувствовала у себя на груди обхватившую её сильную мужскую руку.

Что-то лопнуло внутри неё, и она уже не могла сдержать хлынувшие наружу чувства:

— Николай Васильевич, я... Я люблю вас! Да, да, люблю! Давно, давно люблю!

И слёзы залили её лицо.

— Ольга Михайловна... Оленька! Что ты говоришь! Это так неожиданно...

— Разве это невозможно? Боже мой! Что я несу! Что я несу! Простите меня, простите... Я забылась, потеряла контроль! Какой стыд! Как я посмела! Простите, простите! Я забыла, что я уродка. Я калека, а вы... Забудьте, забудьте, пожалуйста.

Он поднялся с ней на верхнюю ступеньку, поставил перед собой. Голова её была слегка запрокинута, глаза полны страхом. Она смотрела на него, ожидая последнего удара, который навсегда похоронил бы её надежды на счастье.

Он почувствовал острую, до физической боли, жалость к этой испуганной беззащитной девушке и поцеловал её в губы.

— Оленька, ты не калека. Я не ожидал... Прости меня! Я растерялся. Хорошо, что ты мне это сказала. Я думал об этом, давно думал, но не решался сказать. Милая Оленька! Я приду к тебе завтра.

И он, как ему казалось, долго-долго наблюдал, как мед-

ленно таяла в её глазах льдинка страха, затеплилась и разгоралась счастливая улыбка.

— Коленька! Неужели так бывает?

— Что «так»?

— То, что есть сейчас.

— Бывает. А будет ещё лучше.

И он снова поцеловал её в холодные мокрые щёки и маленькие тёплые губы.

— Подай мне, пожалуйста костыли.

— Они улетели.

— Ну и пусть. Чёрт с ними. Поцелуй меня ещё.

— С удовольствием! От тебя пахнет шампанским и апельсинами.

— Хорошо или плохо?

— Нет. Смешно и весело.

— И от тебя тоже.

— Можно, я занесу тебя на руках?

— Можно. Теперь я нисколько тебя не стесняюсь.

Он поднял её и, чувствуя левой рукой твёрдость стальных шинок, занёс в комнату и посадил на диван. Её негнущиеся ноги в ортопедических ботинках распались носками врозь.

Олина мать прибежала из кухни:

— Боже мой! Оля! Что случилось?! Ты вся в слезах!

— Мама, там на крылечке полно мокрого снега. Я поскользнулась и разревелась от испуга, а может спьяну. Я ведь пьяная, мама! — и Оленька счастливо засмеялась. — Если

тебе не трудно, собери там мои костыли, они по всему двору разлетелись! И подбери гвоздички, я уронила их, пока падала.

Остапенко шёл домой. Облака рассеялись и выглянуло солнце.

«А она красивая, — думал он. — Тонкие черты, заострённый носик, аккуратные бровки, волосы цвета ржи, огромные серые глаза... Да и фигурка нормальная. Если бы не безжизненные ноги, была бы красавица, и мужики бы за ней бегали. Как все женщины, она хочет быть счастливой. Первое время она мне была безразлична. Я ухаживал за ней, как ухаживал бы за всеми женщинами в её положении. Но потом что-то изменилось. Чем дальше, тем больше я чувствовал потребность заботиться о ней. Мне не хватало её, пока она была на сессии. Не хватало заботы о ней. Мне хочется радовать её... Почему я гнал от себя мысль, что люблю её? Наверно, считал, что жалею её. Действительно жалею, но жалею по-настоящему — остро, до слёз. Разве это плохо? Что за глупость, что жалость унижает человека! Жалость — первый шаг к любви. «Там бесконечно и нежно любя, женщина скажет: «Жалею тебя!» Почему только женщина? Разве мужчина не может бесконечно и нежно любить женщину, жалея её? Зачем мне искать любовь где-то, когда вот она, рядом. Оля любит меня, и я могу подарить ей свою любовь, которую она жаждет, которая для неё жизнь. От меня зависит, чтобы счастье не обошло её».

Весь вечер и всю ночь он вспоминал, как она на него смотрела, как была рада трём гвоздичкам, как заплакала, признавшись в любви, и как он целовал её мокрое лицо и губы. Остапенко больше не сомневался, что любит Оленьку.

— «О, Святая, как ласковы свечи, как отрадны Твои черты! Мне не слышны ни вздохи, ни речи, но я верю: Милая — Ты»¹, — шептал он, засыпая, — главное, не обмануть её, не стать подлецом.

Назавтра Остапенко пошёл к Шеховцовым и попросил руки их дочери.

В начале следующего года Оленька родила дочку, которую назвали Машей. Все были счастливы.

— Коленька, — сказала однажды Оля, — если бы ты сейчас ушёл от меня, я всё равно до самой смерти была бы благодарна тебе за этот необыкновенный год.

— Но я не собираюсь уходить от тебя, — ответил он, глядя её высохшие безжизненные ноги.

— Иногда я думаю, что заедаю твой век. Ты мог бы найти себе женщину намного лучше меня.

— Не нужно мне никого, кроме тебя!

— Я говорю тебе, чтобы ты знал — я несколько не обижусь, если ты встретишь другую. Во мне никогда не будет ни капли тёмного чувства к тебе. Мне будет больно, но я буду счастлива, что ты счастлив. Я никогда не смогу отблагодарить тебя за счастье, которое у меня уже есть.

¹ А.Блок «Вхожу я в тёмные храмы»

— Ты уже отблагодарила меня. Ты подарила мне свою любовь и чудесную дочку.

— Я хотела подарить тебе и мальчика. Ведь ты хочешь мальчика? Не отвечай, знаю, что хочешь, но я не знаю, смогу ли. Я спросила у врача, можно ли сделать кесарево ещё раз. Он ответил, что если бы это было так просто, то у каждой женщины от природы была бы на животе застёжка-молния.

— Никого мне не надо кроме тебя! Не рискуй! Я хочу, чтобы ты всегда была рядом со мной до самой моей смерти!

— Коленька! Не говори так! Я не хочу дожить до твоей смерти, тем более пережить тебя! Мне не нужна Земля, на которой тебя нет!

— И мне плевать на всю Вселенную, если в ней не будет тебя!² Милая Оленька, не будем об этом. Ведь нам хорошо. Скажи, тебе хорошо?

— Я даже мечтать не могла, что мне может быть так хорошо!

— И я счастлив, что ты рядом со мной. Будем жить сегодняшним днём! Обними меня, и я буду танцевать по комнате с тобой на руках.

— Подожди, Машенька заплакала. Я покормлю её грудью. На время беременности и рождения ребёнка Оленька взяла академический отпуск и проучилась в институте семь лет. А по окончании учёбы мать, сняв со сберкнижки семь голов крупного рогатого скота, подарила ей автомобиль «Запоро-

² Переиначенные слова из поэмы С. Есенина «Пугачёв».

жец» с ручным управлением.

Под руководством мужа она научилась уверенно водить его, используя для учёбы в качестве автодрома полевые совхозные дороги. В конце лета Оленька поехала в Город и, проучившись две недели в специализированной автошколе, получила права. Коля со знакомым сварщиком построили «Запорожцу» гараж.

Коля и Оля вместе ходили на работу, вместе возвращались домой. Машенька росла и в положенный срок пошла в школу. Анастасия Сергеевна и Михаил Петрович давно вышли на пенсию, были ещё здоровы, держали хозяйство, сажали огород.

Летом с Севера приезжал в гости Олин брат Саша с женой Ниной, и Оленька возила мать, Нину и соседку тётю Дашу в поля за ягодами и в лес за грибами.

Вспоминая это время, Оленька не могла вспомнить ни одного мрачного дня, ей казалось, что все дни были солнечными.

Счастливая жизнь длилось ещё семь лет.

Но вот в жаркий июльский день тысяча девятьсот девяностого года, когда небо было белёсым от расплавленного солнца и поднятой в воздух пыли, Оленька не смогла проехать на своей тележке к конторе, потому что вокруг неё кабина к кабине тесно стояли автомобили с высокими кузовами, набитыми сенажом.

Водители были не согласны с расценками и заявили ди-

ректору, что никуда не отъедут от конторы, пока они не будут пересмотрены. Предводителем недовольных был шофёр по фамилии Лебедев. Директор вызвал Остапенко и приказал ему уладить конфликт.

Николай Васильевич оставил жену разбираться с текущими делами, а сам с Лебедевым поехал делать хронометраж транспортировки сенажа, чтобы рассчитать обоснованную норму.

Оленька осталась в кабинете одна. Ей было весело и приятно думать, что завтра она пойдёт в отпуск, что дома у них опять гостят Саша с Ниной, и она с утра поедет с ними, с мамой, десятилетней Машенькой и тётей Дашей за грибами, которых в этом году в лесах видимо-невидимо.

Она не заметила, как приблизилось обеденное время, и не обратила внимания на топот ног у дверей её кабинета. Дверь отворилась, вошли директор, парторг, кто-то из местного кабинета и фельдшер из совхозного медпункта:

— Ольга Михайловна! — сказал парторг и запнулся. — Дорогая Ольга Михайловна! Мужайтесь. Николай Васильевич с Лебедевым разбились за совхозом насмерть.

Оленька закричала страшно, предсмертно, мир перед ней померк и рассыпался, она упала со стула и, несомненно, умерла бы, если бы не фельдшер, которую предусмотрительно привёл с собой директор совхоза.

Всё, что случилось потом, было настолько страшно, что бедный Оленькин ум не вместил подробностей трёх дней от

гибели до похорон мужа. Какими-то туманным фрагментами всплывают теперь в её памяти гроб, обгоревшее Колино лицо на белой обивке, плачущие родные, множество знакомых и незнакомых лиц и удушающее отчаяние.

Прошло очень много дней, прежде чем она пришла в себя и смогла понять, что же тогда случилось на знойной, пыльной дороге в пяти километрах от совхоза.

Коля с Лебедевым уже ехали назад, кузов для перевозки сенажа был туго набит, за автомобилем клубилась тёмно-жёлтая пыль, такая же пыль окутывала их, когда проносились встречные машины, и несколько секунд они ехали словно в ночи с выключенными фарами.

Вот и последняя лесополоса перед совхозом. Они догнали трактор К-700, волочивший за собой связку спиленных в лесополосе тополей и поднимавший такую густую пыль, что даже в пятидесяти шагах от него ничего не было видно. Трактор ехал тихо, Лебедев торопился. Обгонять было опасно: хлысты болтались по дороге, оставляя для обгона слишком мало места, встречную полосу не было видно из-за пыли. Но телепаться за тащившимся как черепаха трактором ещё пять километров Лебедеву не хотелось. Наконец, пропустив встречный КамАЗ, он нырнул наудачу в пыльную тьму. Но туда, набрав скорость, уже въехал бензовоз. Обе машины лоб в лоб столкнулись рядом с кабиной К-700. Бензовоз взорвался. Коля, Лебедев и водитель бензовоза сгорели заживо. Спасся только тракторист, свернув направо в рожь.

Оля вышла на работу только через три месяца. Главным экономистом вместо Коли была присланная управлением сельского хозяйства женщина по имени Галина Викентьевна. Внешне она была добра к Оле. Но наступили отнюдь не сентиментальные девяностые годы.

Ольга Михайловна с трудом добиралась на рабочее место. Никто её теперь не встречал и не провожал домой. Отец стал болеть и не мог помочь ей проехать к конторе на коляске через грязь или глубокий снег. Галина Викентьевна теряла терпение и стала проявлять недовольство. И когда она при Оле пожаловалась по телефону подруге, что ей всё приходится делать самой: и на производство выходить, и планы составлять, Оленька уволилась и ушла на пенсию. Это был тысяча девятьсот девяносто второй год.

Ей было только тридцать шесть лет, она не могла представить себя вне работы, но постепенно привыкла к новой жизни, готовила завтраки, обеды и ужины, помогала Машеньке готовить уроки, ухаживала за отцом, когда он слёг, и терпеливо ждала весны, чтобы в первый раз после зимнего затворничества выехать из гаража на своём красном «Запорожце».

Каждый год её первый в году выезд был на кладбище. Выезжала она с матерью, оставив отца под присмотром Машеньки и соседки тёти Даши.

Добравшись на костылях по ещё сырой земле до оградки, выкрашенной голубенькой краской с пирамидкой памятника на холмике, она долго стояла и плакала. И каждый раз

она по-новому удивлялась, что в двух метрах от неё лежит под землёй дорогой ей человек, так счастливо изменивший её жизнь, подаривший ей одиннадцать лет небывалого счастья и так рано и страшно ушедший от неё.

— Милый мой Коленька, больше всего на свете я боялась пережить тебя. И это случилось. Я живу на Земле, на которой тебя нет. Мне страшно, что я буду жить ещё долго-долго.

Мать рвала с холмика прошлогоднюю травку и тоже плакала.

Потом с красными глазами и мокрыми опухшими лицами шли к стоявшему за кладбищенскими воротами «Запорожцу» и ехали домой.

В сентябре тысяча девятьсот девяносто восьмого года умер отец. В этом же году Маша окончила школу и поступила в институт, а через год вышла замуж за своего однокурсника российского немца Александра Миллера.

В две тысячи втором году случился инсульт у Анастасии Сергеевны. Когда она поднялась, и уехали домой Саша с Ниной, облегчившие свою совесть продажей Муси, из города приехала Маша и сообщила, что уезжает с мужем в Германию.

— Машенька! А как же мама?! — ужаснулась Анастасия Сергеевна. — Мне не долго осталась, как она будет одна?

— Мы возьмём её с собой. Мы включили её в антраг³.

— Никуда я отсюда не поеду! — твёрдо сказала Оленька.

³ Прощение на въезд в Германию на постоянное место жительства.

— Я хочу умереть здесь и быть похороненной рядом с Колей.
Машенька заплакала:

— Мамочка! Пойми, здесь в России нет будущего ни для меня, ни для моих детей! Я не хочу, как вы с папой, получать гроши и экономить каждую копейку до новой зарплаты. Мы с Сашей хотим жить в нормальной цивилизованной стране! Я не хочу рожать детей в нашу нищету!

— Я вам не мешаю, Машенька! Мне не нравится то, что ты говоришь, и папе бы не понравилось, но я рожала тебя не для того, чтобы быть тебе обузой! Поезжай и не думай обо мне. У меня, в конце концов есть брат. Если что-то случится с бабушкой, он возьмёт меня к себе.

Она сказала это только для того, чтобы дочери было легче оставить её.

Долго уговаривала её Маша, но Оленька была непреклонна. И Маша уехала в Германию без неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.